

Биография номера

Как стать баронессой

Елена Мещеркина

*Каждый поступок продолжает
созидать нас самих.*

Ф.Ницше

Как человек в экзистенциально сложной ситуации создает новые значения своей жизни? Как разрозненные инновационные шаги складываются в осмысленную мозаику новой идентичности? Поиском ответа на эти вопросы продиктован интерес к биографии, о которой здесь пойдет речь.

Обращение к тексту единичной биографии может показаться или оказаться попыткой иллюстрации отдельных типовых примеров адаптации в новом социальном времени. Но биография как феномен способна дать и пространство поиска происхождения типа поведения. Причем, чем менее распространен тот или иной тип, тем он интереснее, поскольку это возможный симптом социального изменения.

Мы провели интервью с пожилой русскоязычной жительницей Риги Юлией. Представьте: модельер на пенсии, которая заявляет, что она баронесса и немка, хотя по-немецки не говорит. Может, это легенда, которую человек творит «здесь и теперь», скрашивая будни? В конце концов, и миф иногда оказывается весьма функциональным. Но интервью раскрыло гораздо более глубокую и сложную картину, чем можно было предположить.

Биографические данные

Юлия фон К. (фактические данные искажены из этических соображений) родилась в 1928 г. в белорусском городе В. Ее отец – немец, из семьи остзейских дворян-баронов, служивших в XIX веке при дворе. Ее мать – полька, предположительно, по мнению Юлии, тоже из дворян. Юлия окончила сна-

Биография номера

чала железнодорожное, а затем медицинское училище, получила диплом текстильного института и проработала до пенсии модельером-закройщицей. Училась в железнодорожном училище, она познакомилась с кадровиком, отставным военным, коммунистом, русским, и вышла за него замуж. У нее один сын от этого брака. После смерти мужа, уже на пенсии она знакомится с директором военного музея, отставным полковником, русским, и второй раз выходит замуж. На момент интервью она живет в Латвии.

Гипертекст «Я – баронесса»

Свой рассказ Юлия фон К. начинает, ведет и заканчивает от имени «женщины из благородной немецкой семьи с “баронским” прошлым». Этот образ создает основной текст и остается главным на протяжении всего повествования.

«Первые воспоминания связаны ...с праздниками...это елочка и день рождения. Всегда просыпалась и в кровати находила подарки. Потом это все исчезло. Где-то в 37-ом году ... мама разошлась с моим отцом, потому что начались репрессии. Мой отец по национальности немец, из столбовых дворян... И, значит, чтобы меня спасти...мама разошлась и вышла замуж за хорошего русского человека, который впоследствии удочерил меня...»

«...Отец был высокий, стройный, очень интеллигентный человек, хотя очень любил рабочий класс...Но когда был зол, топал ногами, кричал: “Ничтожества, безграмотные, свиньи, хамы». Я, ребенок, понимала, что отец даже внешне и внутренне отличался от рабочих и мышлением, и в разговоре. “Я вообще глубоко несчастный человек, потому что я родился не в свой век и не в той семье”, – он всегда говорил так. Он никогда не преследовал цель наживы, все, что имел, он отдал на эту...революцию. И во время революции он, юрист по образованию, ушел в депо учеником слесаря, потом водил бронепоезда. Даже от наркома именные часы были за предотвращение крушения...Эти часы золотые мама сдала на хлеб, когда был голод, в торгсин...»

«...Когда я маленькая была, очень любила рассматривать старинные фотографии...почти все они сделаны в Риге. И, глядя на них, представляла, как в этих нарядах ходят мои предки, бабушки, дедушки...Никого из родни не видела, кроме сестер отца. Всегда говорил отец, что нужно быть честным, порядочным во всех отношениях, потому что мы из старинного дворянского рода...Тетя, та вообще меня долго не признавала, потому что меня удочерил русский человек.... Она жила в Риге...и все не могла смириться, как это я сменила такую фамилию».

Внутренний текст «Война в жизни Юлии»

Дальнейшая событийная канва: с началом войны немцы быстро занимают город В., отец Юлии уходит из брошенной охраной тюремной больницы НКВД, забирает младшего брата Юлии, впоследствии умершего, и перебирается с ним в Ригу к родственникам. Помогает ему дядя К., депутат Латвийского Сейма, министр строительства и дорог.

«С политикой дядя никогда не был связан и очень много во время оккупации помогал людям, из гетто выбирал своих знакомых, военнопленных брал

к себе на работу, а они на второй день уходили. Меня вот из Саласпилсского лагеря взял, за что потом в конце концов сам попал туда и был там 4 месяца. Уже Красная Армия его освободила...»

Так исподволь начинается другой важный фрагмент текста, который можно было бы озаглавить «Война в жизни Юлии». Он примечателен не только тяжелым опытом, но и тем, что абсолютно лишен крайних эмоциональных оценок. Сегодняшняя этническая принадлежность нашей героини во многом управляет оценочной шкалой событий, а память выбирает моменты, уравновешивающие добро и зло.

«...С осени 41-го года начали организовываться партизанские отряды... Везде стояли жандармерия, кордоны. Мама меня посылала к партизанам. Что-то в мешок клала, махорку, красный стрептоцид... И я, ребенок, проходила... эти 40 километров. Один раз иду, никого нет. Уже снег первый выпал. Смотрю, возница едет на горе. Я так обрадовалась: полдня иду, и никого нет. И вдруг страшный взрыв. Все разлетелось, он воз сена вез. Колесо ко мне катится, второе с оглоблей. Там взорвалась мина. Сжалась вся, даже плакать не умела. И где клочок сена, там почему-то перешагивала. А когда поднялась на гору, там жандармерия, и на электрических столбах висят, ну, партизаны. Одна молодая в черной юбочке и белой кофточке, и ребенок у нее же висел... Ко мне подошли два немца с медальонами железными: "Куда идешь?". А у меня только слезы из глаз: "Мне, мол, к тете надо". Немец говорит: "Красивый ребенок, как моя девочка. Такая же беленькая. Иди, мол, быстрее, а то партизаны пух-пух". Я и побежала.»

За связь с партизанами мать Юлии арестовывают и вместе с дочерью отправляют в Майданек.

«В Майданеке был интернациональный лагерь...много военнопленных. Потом начался сыпной тиф. Немцы очень боялись заразы. Вся работа была распределена по бригадам. Кого поздоровее, выгоняли на работу. Другие ямы копали большие. А кто уже не вставал из-за тифа или истощения, складывали ровненько, посыпали известкой, обливали водой, даже не стреляли, а просто засыпали... был крематорий и ...три вагона, там душ... Когда гнали в эту баню мыться, то моя мама всегда плакала. Оказывается, некоторым пускали газ, а некоторым воду... Это была душевая – газовая камера. Детей водили «на прививки». Я тоже два раза там была. В первом помещении детей кормили...там, каши дадут, мармелада кусочек, маргарина, чай, хлеб.. Потом детей клали на столы.. и брали кровь, у кого – справа, у кого – слева. Через полгода из 16 тысяч наших осталось меньше тысячи, и все почти больны туберкулезом...»

Фабрика умерщвления предстает технологичным конвейером, который подробно и как-то отстранено описывается, но не осуждается. Подобная позиция – с одной стороны, свидетельство скрытой боли, вытесняющей эмоциональные переживания; с другой стороны, рассказчица сегодня считает себя немкой, и это вносит противоречие в ее понимание самой себя. Противоречие проще снять, если очистить рассказ от оценок.

Биография номера

После Майданека Юлию с матерью этапируют в Илейко (Литва), затем в Саласпилс (Латвия), откуда ее забрал «в прислуги» дядя.

«Конечно, Саласпилский концлагерь никак не сравнишь с Майданеком. Из Саласпилса кто хотел, брал детей. Даже военнопленных...брали себе богатые на хутора в работники... Дядя приехал, барин, туда на извозчике. Привез ящик масла, окорока, шнапс полицейским ...А во второй раз приехал, уже забрал меня. Мама уже больная была, туберкулез, ее никак не мог взять. Позже ее отпустили... Мой дядя поместил меня...в гетто. После расстрелов освободились дома. Тетя Берта выкрасила мое платье из Майданека, серое в синюю полоску, но она все равно просвечивалась. Какой-то беленький воротничок прицепила. В этом я ходила в школу...»

И здесь вместе с полосками концлагерного платья «просвечивает» обида на родственников, которые поселяют племянницу в гетто, отводят ей роль прислуги, не принимают в семью. Открыто же выразить обиду – значит тематизировать разрыв с «семьей баронов», с которой она сейчас себя идентифицирует, и объяснить в итоге, почему отец порвал с родственниками во время революции.

Внутренний текст «Я – советская женщина, которая сама себя сделала»

После прихода в 1944 году в Латвию Красной Армии Юлия оказалась в ситуации профессионального выбора, отягощенного тем, что родственники родного отца ее не признавали, мать умирала от туберкулеза, а отец стал инвалидом. По бедности она не могла позволить себе закончить среднюю школу и поступает в первое же открывшееся при советской власти училище – железнодорожное, где три раза в день кормили и одевали. Проходя медкомиссию при поступлении, она обнаруживает при сдаче крови первые последствия пребывания в концлагерях: оказалось, что у нее вырезан участок вены. С этого момента события ее личной и профессиональной жизни тесно переплетаются с историей ее болезней (шесть операций, три клинические смерти). Болезни, хронические и неизлечимые, приобретают в ее рассказе статус неизбежного факта биографии, они как бы «нормализуются». С темой болезней в повествование входит мотив сопротивления, преодоления.

После окончания железнодорожного училища ее оставили работать в Риге в отличие от многих других, получивших принудительное распределение в сельские районы Латвии и другие города и села СССР. Юлия получила эту привилегию благодаря тому, что ее мать – участник войны и инвалид – нуждалась в уходе. Из-за плохого здоровья Юлия не прошла медкомиссию и была направлена в кадровую службу железнодорожного транспорта. Там она познакомилась с заместителем начальника этой службы («Я ему понравилась из этих 75 девочек») и вышла за него замуж.

«После свадьбы он узнал, кто мой настоящий отец ... Для него это был страшный удар ...Где-то через два года ему предложили оставить работу из-за меня. Он этого не сделал, но роста по службе у него не было. Вот. Когда у меня была первая беременность, я заболела туберкулезом... умирала. Тогда я поняла, что

я должна быть медиком, иначе в этой жизни не выжить ... Мне сделали аборт, а после я поступила в медицинское училище, ... все-таки вылежала своего второго ребенка. Но опять поняла, будучи на 4-ом курсе училища, что это не мой хлеб, на защиту диплома я не пошла. Я поняла, что мне помощи ждать неоткуда, только я сама себя должна всю жизнь обеспечивать. Вот, если я хочу иметь семью, то, значит, всю ответственность, несмотря на разницу в возрасте с мужем, я должна взять на себя. И вот, с туберкулезом легких, с ребенком-искусственником, на одну свою зарплату [ее муж решил получить высшее образование] я начала шить. Я еще нигде не училась, но я видела форму... У меня была семья, работа, больница и учеба. ... Курсы, училище по моделированию и конструированию одежды, я перешла работать в ателье закройщицей, спала 2–3 часа в сутки, у меня была большая бригада, все общественные дела.. Когда я работала, план был выполнен на 300 и больше процентов, и ателье стало получать Знамя за Знаменем. Мы тогда только и вздохнули материально [на заработанные Юлией деньги были куплены кооперативная квартира и дача]»

Отправной мотив «если я хочу иметь семью» заставляет Юлию вырабатывать жизненную стратегию автономности и независимости: если болезни угрожают осуществлению ее плана, она стремится овладеть медицинскими знаниями и навыками; если ее семья бедствует, она берет на себя функцию кормильца и овладевает профессией швеи. Ее выбор профессий, продиктованный в значительной степени стратегией выживания, максимально приближен к экзистенциальным потребностям послевоенного времени. Кроме того, профессия позволяла получать неофициальный доход от частной практики. Таким образом, социализация Юлии через болезни и их преодоление, а также через смену профессиональных ролей укрепила ее в позиции автономности и дала ей чувство гордости за пройденный путь.

Внутренний текст «Я представительница униженного большинства\меньшинства»

Появление этой темы связано с гипертекстом следующим событийным фоном. Рассказчицей были предприняты реальные биографические шаги: она занималась архивными поисками, обращалась в бюрократические инстанции и через серию гражданских судов добилась официальной смены фамилии на немецкую – фон К. – с записью в паспорте об иной, не русской, а немецкой национальности. Не остановившись на этом, она обратилась к юристам за консультациями относительно прав на собственность семьи фон К. и сделала запрос в немецкое посольство по поводу получения немецкого гражданства и пенсии (живя в Латвии!). Человек фактически перекроил свою жизнь.

«Да если бы не этот местный национализм...Во мне вдруг что-то заговорило мое национальное. Думаю: кто вы такие, чтобы обо мне так говорить, если мои предки выстроили не только пол-Риги, а пол-Прибалтики? Собственно, кто вас создал, если не немцы и русские? ...Потом как-то прочла статью, что есть теперь законы, что, если человек себя чувствует не тем, кто он есть...После 37-го года многие там стали русскими... Потом я познакомилась со вторым своим мужем, отставным полковником, директором

военного музея. Он мне советы давал и направления ... Единственно, только этот национализм меня толкнул на поиски, а потом уже стало интересно. Столкнулась с документами – все на латышском языке...Ну, какая это оккупация? Работая в кадрах почти двадцать лет, я помню, нам же давали план: сколько в партию латышей принимать, руководитель – чтоб латыш, учеба вне очереди – только латышу...»

«Когда председатель управы Ручс окольцевал наших генералов [надел наручники, арестовывая, впоследствии российские военные были отпущены. – Прим. авт.], я целую ночь проплакала. Думаю, как же так, почему вы дали надеть эти наручники. Я, женщина, никогда бы не сделала этого, пусть меня убили бы на месте. Опозорили всю российскую армию. Теперь ее втоптали кому ни лень в грязь, нашу армию. Я воспитана, конечно, в том духе, в каком мы все были воспитаны. Я гордилась своим государством. Я гордилась царской Россией...По укладу своему внутреннему, по таланту и по окружению, в котором я работала, жила, я другая, во всем я другая».

Наше интервью протекало в форме свободного неструктурированного биографического повествования, и рассказчица сама, согласно собственной логике, предпочтениям выбирала значимые для нее эпизоды, определяла стиль и ритм повествования, иногда уходя от подобного изложения, «скрываясь» за аргументацией, перечислением событий, их упрощенным описанием. В тех эпизодах, где она была наиболее открыта и готова к рассказыванию, возникали рассказы как цепочки событий, связанных друг с другом временной или причинной последовательностью (Fischer-Rosenthal und Rosenthal, 1997; Labow, Waletzky, 1967). С точки зрения текстуального анализа биографии нам важно различать:

- фактические биографические данные, частично излагаемые самой рассказчицей, частично уточняемые интервьюером по завершении основного интервью;
- рассказанную историю жизни как цепь взаимосвязанных пережитых событий;
- представление рассказчицы о самой себе и своей жизни, которое он/она хочет донести до слушателя /интервьюера.

Перечисленные аспекты текстуального анализа биографии в версии Ф.Шютце несут различную смысловую нагрузку, и их сочетание в итоге придает тексту достоверность, связность и индивидуальность. Объединение их в одно целое достигается благодаря относительной «гомологии» опыта и рассказывания (Schuetze, 1984). Нужно отметить, что значение, которое респондент придает тому или иному эпизоду (в отличие от фактической сути события и его образа), может изменяться в зависимости от сегодняшних представлений рассказчика о самом себе, понимания им или ею смысла пройденного пути.

Обсуждаемая здесь биографическая история по прочтении предстает в виде сложной системы, включающей:

- основной гипертекст; он обрамляет интервью, проходит его лейтмотивом, маркируется слоганом «Я – баронесса» и имеет статус аргумента и плотного описания (гипертекст как основной смысловой фрейм);
- внутренний текст «Война в жизни Юлии» со статусом повествования;

- внутренний текст «Я – советская женщина, которая сама себя сделала», имеющий статус повествования;
- внутренний текст «Я – представительница униженного большинства / меньшинства», также имеющий статус повествования.

С точки зрения повествовательности больше доверия и исследовательского интереса вызывают внутренние тексты «Война...», «Я – советская..» и «Я – представительница униженного большинства/меньшинства». Они являются собой проработанные повествования с упоминанием серии событий, изменений, влияния случившегося на рассказчицу и выводов, которые она для себя сделала.

В то же время, задав тему «Я – баронесса», Юлия определенным образом тематизирует свою жизнь, демонстрирует ту этническую (семья остзейских, т.е. немецких дворян) и социальную идентичность, которую сама и конструирует. Ей явно трудно насытить эту тему повествованием (за неимением подлинных воспоминаний, связанных с детством в семье «баронов»), и она вынужденно уходит в аргументацию и описание. Особенно сложно ей совместить реально пережитый опыт войны и пребывания в концлагерях с тем обстоятельством, что ее отец – немец. Она решает эту крайне непростую задачу через отстранение, путем описания событий и стиранием индивидуального «Я», что позволяет избежать оценок и выводов.

Тем не менее, несмотря на бедность повествования, тема дворянства в биографии Юлии для нас чрезвычайно важна. Она представляет ту социальную и этническую идентификацию, которую Юлия сознательно строит сегодня, отбирая пережитые события, которые «работают» на ее концепцию, и упоминая те, упустить которые нельзя, не нарушив причинно-следственной и хронологической связи.

Советский период в жизни Юлии, отраженный в приведенных выше эпизодах, представляет собой «текст в тексте». Здесь героиня предстает в иной перспективе – как человек, сделавший себя сам, полагавшийся только на свои силы. И хотя фрагменты ее биографии преемственны с точки зрения хронологии событий, они относятся к разным смысловым горизонтам. Здесь и царская Россия, и гордость за «свое» государство, за российскую армию, за немцев и русских – строителей Прибалтики. Наложение этих фрагментов дает сложную картину идентичности. Толчком к ее пробуждению служит задетая идентификация с Российским государством. Гражданская принадлежность к великой империи трансформирована в принадлежность к этническому меньшинству, для нее – унижаемому. На этом фоне реальные шаги Юлии: юридическое доказательство принадлежности к семье фон К. и возврат немецкой национальности, розыски недвижимости, ходатайство о немецком гражданстве и пенсии – кажутся простимулированными поиском более сильной «державы» взамен прежней, утратившей право на патерналистскую власть и заботу.

Случай Юлии фон К., безусловно, представляет амбивалентный противоречивый тип этнической и социальной идентификации как результат адаптации. Причем, если бы мы опросили ее с анкетой в руках и заранее сформулированными вопросами, то получили бы однозначный ответ: «Я –немка». Познакомившись с биографией Юлии, мы видим, что этот поверхностный ответ далеко не исчерпывает глубину и неоднозначность проблемы этнической самоидентификации для героини. Используя свои биографические ресурсы (принадлежность

к иной нации и более статусной социальной группе), скрывавшиеся в советское время из-за страха репрессий, Юлия использует их – что-то действительно, а что-то символически – в новой социальной реальности. Своей биографией она демонстрирует высокоадаптивный тип, потенции которого ей перешли в наследство. Вспомним: ее отец – юрист, дворянин, порвал с семьей во время революции и ушел учеником слесаря в депо; ее мать развелась с отцом, чтобы избежать репрессий (здесь нам важен даже не сам факт, а его субъективное восприятие Юлией); мать и Юлию спас от репрессий, «закрыв» обеих (удочерив Юлию) фамилией, «хороший русский человек»; Юлия выбирала профессии, которые позволяли рассчитывать только на свои силы – медсестра, швея (первичный выбор железнодорожного училища – классическое убежище маргиналов, стремившихся сделать свое существование анонимным благодаря свободе передвижения); выбор Юлией мужей также позволяет предположить стремление к надежности и социальной защищенности: значительно старше ее по возрасту и кадровик-военный, коммунист, и второй муж, отставной военный.

Всплеск биографического творчества Юлии в постсоветское время не выглядит случайностью. Ее адаптационный потенциал накапливался постепенно, а проблема амбивалентной социальной идентификации, которая обострилась с суверенизацией Латвии, была решена ею за счет подключения второстепенного для нее этнического фактора. Характерны слова, сказанные ею уже после того, как был выключен диктофон: «Если великая Россия нас здесь [в Латвии] бросила как заложников, я найду другое, более сильное государство, которое возьмет защиту на себя». Смена Старшего Брата произошла (по крайней мере символически), и смысл этой инверсии не в поисках новой этничности, а в попытке найти снимающую психологическое напряжение нишу в изменившемся социальном пространстве. И не просто найти нишу, а занять подходящее положение в обществе, добиться статуса, престижа и соответствующего дохода.

Вернув себе имя, Юлия фон К. получает признание в близкой для себя социальной группе (дворянское общество), в общении с членами которой подтверждается ее претензия на ранг в определенной иерархии, безусловно, виртуальной по сравнению с реальной социальной структурой. Но за счет активного взаимодействия с другими членами сообщества, для которых значимо обаяние аристократии, у этой социальной группы, тем не менее, есть будущее. Однако нам здесь важнее другое: в периоды слома прежних социальных порядков люди, используя биографические ресурсы и открывающиеся возможности, выстраивают новые социальные отношения (пример Юлии) и тем самым закрепляют социальное изменение.

Литература

Fischer-Rosenthal, W. und Rosenthal, G. 1997. Warum Biographieanalyse und wie man sie macht. – *Zeitschrift fuer Sozialisationsforschung und Erziehungssoziologie*. Heft 4. Weinheim: Juventa. S.405–427.

Labow, W., Waletzky, J. 1967. Narrative analysis: Oral versions of personal experience. In: Helm, J. (Ed). *Essays on the verbal and visual arts.* Seattle: University of Washington Press. P.12–44.

Schuetze, F. 1984. Kognitive Figuren des autobiographischen Stegreiferzaehlens. In: Kohli, M., Guenther, R. (Ed) *Biographie und soziale Wirklichkeit. Neue Beitrage und Forschungsperspektiven.* Stuttgart: Metzler. S. 78–117.